

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

КНИГА

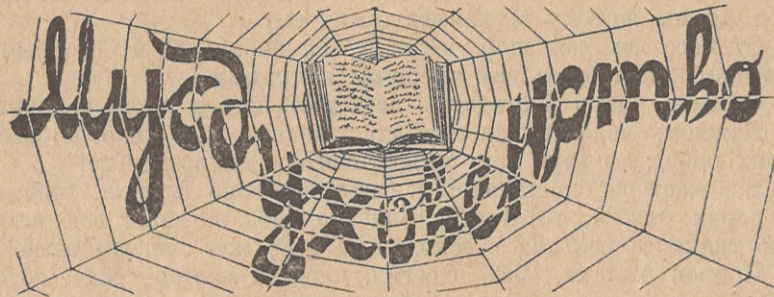
5

1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНЪ

Наша трибуна

И. Хансуваров.

Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений, всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ними и другими обществами, может служить опорой правильной тактики передового класса.

Ленин.

К. Маркс в своем письме к Ф. Энгельсу (в 1853 г.) говорит о том, что «история Востока представляется в виде истории религий»^{*}). Это не значит, что К. Маркс в какой-либо форме противопоставлял это свое положение другому общезвестному положению: «вся история человечества является историей борьбы классов», так как религия и духовенство, как известно, являются одним из орудий и отрядов господствующих эксплуататорских классов.

Ф. Энгельс в ответном письме говорит, что «отсутствие земельной собственности является на самом деле ключом ко всему Востоку. В этом заключается вся политическая и рели-

^{*}) К. Маркс и Ф. Энгельс—«Письма». Изд. Мос. Рабочий, 19-3 г. стр. 63.

гиозная история^{*}). К нашему времени проникновение торгово-капиталистических отношений, разложение натурального хозяйства, родового и племенного землепользования и проч. многое на Востоке в корне изменили. Но, несмотря на это, основное, что вытекает из этих цитат—это огромное значение религии в жизни народов Востока, значение, учтенное Карлом Марксом и Ф. Энгельсом, имеющее место, правда, с известными вариациями (видоизменениями) на всем Востоке и сейчас.

Каковы основные кочки в нашей жизни, за которые так упорно, как саксаул в песках, цеплялась религия (а вместе с ней и мусульманское духовенство)? Какие из этих кочек сохранились еще в нашей действительности и продолжают быть «опорными пунктами» для религии и духовенства? И, наконец, какова природа этих кочек, почему они продолжают все еще сохраняться?

Несомненно, религия и духовенство когда-то выполняли функции, вызываемые условиями жизни человечества и той или иной классовой прослойки его. Всем известно, что было время, когда «патриарх», глава рода или племени, был организатором хозяйства, защищал его от внешних врагов, регулировал внутреннюю жизнь своей общины, словом, выполнял жизненные, для рода или племени общественно-необходимые и полезные функции. Это совершенно не исключает личной заинтересованности, стремления этих вождей к обогащению или классовому подчинению остальных, как это выявилось в позднейшее время, в эпоху феодализма. Та же самая постановка вопроса должна быть и в отношении религии и духовенства. Возникновение и того, и другого не случайно, как не случайно и сохранение их до сего дня. И на то, и на другое были и есть причины, общие для всего человечества, и плюс к ним различные для каждого данного района (благодаря различию условий в каждом из них).

Разбирать здесь вопрос о возникновении религии невозможно. По нему существуют наряду с общепринятыми марксистскими положениями и разногласия в рядах марксистов. Но так как совершенно обойти его нельзя, иначе не все дальнейшее будет достаточно ясно, ограничимся несколькими общими замечаниями.

^{*}) См. там же, стр. 65.

Г. В. Плеханов при объяснении вопроса о возникновении религии и религиозных представлений берет за основу мир представлений и настроений человека. Он говорит, что анимизм—это попытка дикаря объяснить явления природы. Как ни слаба, как ни беспомощна эта попытка, она неизбежна при условиях жизни первобытного человека. В своей борьбе за существование он совершает известные действия, которыми вызываются известные явления. «Таким образом, он привыкает смотреть на себя, как на причину этих явлений. Судя по аналогии с собою, он думает, что и все остальные явления вызываются действиями существ, подобно ему имеющими известные ощущения, потребности, страсти, рассудок и волю, но он не видит этих существ и поэтому считает их «духами», при обычных условиях недоступными его внешним чувствам и только в исключительных случаях непосредственно действующими на них. На почве этого анимизма возникает религия, дальнейшее развитие которой «определяется ходом общественного развития».

Имеются последователи, несогласные с тем, что при объяснении вопроса о происхождении религии нужно брать представления и настроения. Они выдвигают различные исходные пункты. Но основных разногласий все-таки мало. Так, Е. Горев считает, что «глубочайшие корни религии заключаются в практике»—в обращении к божеству с молитвой, просьбой и проч., т. е. с целью практического воздействия на это сверхестественное существо.

Имеется точка зрения Г. Кунова, который говорит, что основным отправным пунктом при объяснении вопроса возникновения представления о «духе», значит и религии, нужно брать неспособность дикаря объяснить такие явления, как смерть человека, сновидения, болезни, вызываемые не ранами или другими внешними повреждениями организма и т. д.

Как бы то ни было, но все говорят о каких-то совершенно реальных причинах, вызвавших к жизни религию и религиозные представления. Никто не говорит о «случайности» религии, так как это явная чушь.

Гораздо яснее и ближе к современной жизни ставит вопрос тов. Ленин.

«Религия», говорит тов. Ленин*),—«есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и всюду на народных массах,

задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей и чудеса и т. п.

Дехкан много сделал для того, чтобы победить природу (взять хотя бы ирригационную систему), но все же природа над ним командует, все же он еще бессилён. Трудящийся Средней Азии был задавлен «вечной работой на других, нуждой и одиночеством», он именно являлся тем, «кто всю жизнь работает и нуждается» и именно «его религия учила смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду»*).

Таким образом, одной из кочек, за что цеплялась религия в наших условиях, являлась потребность забытых нуждой трудящихся в религиозном самообмане. «Поэтому», говоря словами Ленина, «религия—род духовной сивухи, в которой рабы капитала (и торгово-ростовщического и полуфеодалного грабежа—И. Х.) топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь».

Религия имеет кочки не только среди трудящихся. Эксплуататоры тоже «нуждаются» в религии, так как тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие**).

Может быть кто-нибудь скажет: «Ну что же, пусть туманят себе голову!» Но дело в том, что они этим делом занимаются для того, чтобы туманить головы не столько себе, сколько именно трудящимся. Дело совершенно понятное: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за осуществимость таких перспектив) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирить их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрыва-

*) Ленин—«Социализм и религия», т. VII, ч. 1, стр. 48.

*) Ленин, см. там же.

***) Ленин, см. там же.

вать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность*).

Отсюда мы должны сделать чрезвычайно важный для нас вывод, а именно: если у трудящихся существовала потребность в религии, так как они были забиты нуждой и эксплуататорами, потребность в самообмане и духовной сивухе,—она, эта потребность, существовала и у эксплуатирующих, для которых религия играла и играет роль очень тонкого инструмента, помогающего эксплуататору скрыть свои грехи, свои преступления, служащего в интересах классового господства, подчинения. Значит, роль религии (и ислама) и духовенства—кроме всего прочего—не случайная, классовая роль.

При выполнении этой роли духовенство приспособляется к условиям тех групп населения, среди которых оно ведет работу. Как пример, возьмем его работу среди трудящихся. Как мы выше уже видели, у трудящихся (благодаря их забитости, разрозненности и проч.) тоже имелась потребность в религиозном самообмане. Эту потребность эксплуататоры усиленно развивают. Для этого существует особая группа духовенства. В самом деле, околпачивать трудящихся есть дело несколько иное, чем давать богачам «очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования». Поэтому трудящиеся, вообще говоря, «обслуживаются» низовым духовенством, в большинстве своем бедным, по знаниям, своему развитию и мировоззрению мало чем отличающимся от трудящегося, иногда вместе с ним обрабатывающим свой клочек земли, голодающим временами так же, как и бедняк. Это совершенно естественно—голодный трудящийся больше верит голодному же попу или мудле, чем толстобрюхому, богато живущему.

Значит, среди духовенства проведено четкое разделение труда, но вместе с тем несомненно, что и эта часть духовенства, «обслуживающая» эксплуатируемых, вольно или невольно, сознательно или бессознательно служит единой для всего духовенства цели—околпачивать трудящихся в интересах буржуазии, богачей, маналов, родовых и феодальных вождей и т. д. Кроме этих двух основных классов—капиталистов и пролетариата, у нас существуют еще промежуточные прослойки, в части своей оставшиеся от времен давно минувших. В частности, существует феодально-племенная или родовая прослойка и то крыло торгового капитала, которое связано с этой прослойкой своими методами и формами эксплуатации и обогащения. Эта

*) Ленин. т. XIII стр. 156.

феодалная прослойка населения была до развития торгового капитала господствующей группой в жизни. Она имела свой огромный аппарат духовенства, высшие слои которого и экономически, и в правовом и общественном отношении вросли в этот феодальный строй и составляли одну из составных частей его. Этот аппарат духовенства служил своему господину,—феодалному строю. Но с развитием капитализма, после ряда буржуазных революций, феодальный строй пал. Что стало с духовенством? Оно в большей своей части приспособилось к новому строю, поступило к нему на службу, в другой же его части осталось верным старому господину. Это было везде,—во Франции, Германии, России и т. д. Этот процесс расчленения духовенства происходит сейчас в Турции в связи с ожесточенной борьбой там между старым феодальным консервативным миром и народившейся турецкой буржуазией, борьбой, перевес в которой склоняется на сторону второй силы.

Буржуазия едина только в борьбе с своим классовым врагом, в современной нам жизни—пролетариатом. Но внутри буржуазии имеются различные прослойки, тоже борющиеся между собой—понятно, за больший кусок пирога, за большую долю прибыли.

В нашей средне-азиатской жизни мы кое-какие примеры для иллюстрации этой мысли можем найти. Возьмем Бухару.

Развитие торгового капитала породило среди бухарского духовенства слабую прослойку прогрессивного духовенства. Если мы будем сравнивать эту прослойку с той, которая родилась в Ташкенте, в Фергане и в других местах, то надо сказать, что она чрезвычайно слаба. В том случае, если бы не было революции еще в течение 10 или 15 лет, эта прослойка, несомненно, была бы сильнее, потому что капитализм развивался бы так, как он должен развиваться в нормальных для него условиях; но так, как революция пришла в 17 году, то эта прослойка не могла окрепнуть и не могла представить собою сильной группировки. Другой причиной ее слабости было то обстоятельство, что она в этот период уже должна была стать одним из источников, который рождал бухарскую прогрессивную интеллигенцию—младобухарцев и поэтому вынуждена была часть своих сил отдавать сюда.

Мы взяли в качестве примера тот участок Средней Азии, где узбекский капитал в сравнении с остальными (Ташкент, Коканд, Андижан и т. д.) районами развивался очень и очень слабо. Но и здесь, как мы видели, нарождающийся новый

капитал возвращает свою собственную, прогрессивную в отношении остальной части, прослойку духовенства. В дальнейшем, при характеристике отдельных прослоек мусульманского духовенства, мы этот вопрос так же, как и вопрос о борьбе отдельных групп духовенства, разберем подробнее, сейчас же перейдем к следующему вопросу.

II.

Выше мы разбирали вопрос о классовой служебной роли духовенства, о ее функциях с этой точки зрения. Если бы духовенство просто подходило к делу и прямолинейно заявляло: на свете существуют баи и бедняки, хозяева фабрик и заводов и рабочие, рабочие и бедняки должны работать, не щадя живота своего для того, чтобы богачам и фабрикантам жилось хорошо,—то такое духовенство было бы прогнано и теми, и другими в три счета. В жизни дело обстоит не так просто.

Выше, при разборе вопроса о происхождении религии, мы видели, что были какие то причины, которые вызвали к жизни религиозные представления и религию вообще. Кроме того, были причины, которые сохраняли эту религию и его основной человеческий аппарат, хранителей и агитаторов—духовенство. Отвлекаясь от всего, можно сказать, что основной причиной была потребность человека в религиозном самообмане, сивухе или в одурманивании, одурчивании масс.

Здесь, в Средней Азии, как и везде, была потребность объяснить неясное для человека прошлого в явлениях природы, была потребность обмануть себя, тешить надеждой попасть в рай и была боязнь попасть в ад. В смысле удовлетворения этой потребности ислам играл огромнейшую роль. Ведь, кажется, не вызывает споров положение о том, что религия является стремлением человека стать в известные отношения к божеству, творцу, который по представлению верующего является причиной всего сущего и, между прочим, может, если разгневать, наслать беды на голову бедного человека, раба этого божества. Это положение было господином в умах населения и у нас. Правда, мусульмане—узбеки, таджики или другой национальности не совсем аккуратно выполняют внешние формы, потому что внешние формы выполнять чрезвычайно затруднительно, но в бога они веруют. религии они боятся, в ад попасть боятся, в рай попасть каждый из них хочет.

Это лишь маленькая часть одного и того же вопроса.

Возьмем и другую сторону вопроса. Чрезвычайно показательны те полухудожественные, полурелигиозные представления маддахов, которые происходят в Узбекистане. Эти маддахи, кстати, указывают на ту связь, которая существует в бытовых формах здешних народов на всем Востоке. В «Красной Ниве» № 4 имеется статья Мугуева под названием «Зрелища Востока». В этой статье он описывает те полурелигиозные мистерии, которые происходят в Персии. Это тоже, что происходит и здесь у нас с той разницей, что там это продельывают шииты, а здесь сунниты. Поэтому у нас в содержание вносятся некоторые частности, например, меньше вражды к Омару, ко всем историческим людям, боровшимся против шиитов; здесь меньше крови, а там больше; здесь меньше трагедии; там это глубже затрагивает народные массы. Но вместе с тем какие то общие формы и здесь, и там имеются. Там устраивают, так называемые, тазия, полурелигиозные мистерии И здесь, и там, как правило, фигурируют Иосиф Прекрасный, убийство сыновей Али-Хасана и Хусейна; там много говорят о лжепророке Омаре, здесь об этом не говорят.

Эти основные темы показывают, что все это связано с религией, что религия сумела найти формы и содержание, удовлетворяющие не только религиозные, но и культурные, условно говоря, потребности масс Востока.

Другое, что с точки зрения умения духовенства подойти к массам должно нас интересовать—это вопрос о ваазах в мечети. Они с исторических времен играют огромную роль. Здесь можно говорить о тех ваазах, которые были в 1912 году в мусульманских мечетях. На этих ваазах мусульманское духовенство (несмотря на преследование царского правительства) умело пропагандировать необходимость помощи (моральной и денежной) борющейся Турции. Дело доходило до того, что молодежь отправлялась добровольцами в турецкую армию. Ваазы, которые происходят сейчас во время пятниц, не так важны, потому что они делаются тогда, когда на них все обязаны присутствовать. Гораздо более интересны те, которые происходят после вечерних молений, когда остаются именно те, кто должен остаться. Те молящиеся, которые являются лишними, чувствуют себя обыкновенно чужими; они уходят, остаются «св и люди» и среди них начинаются беседы по всем тем вопросам, которые волнуют мусульманскую общественность. Вот эти ваазы представляли и представляют собой огромное оружие, чрезвычайно приспособленное

к религии и быту мусульман, играющее сейчас огромную роль. Товарищи называют эти ваазы политчасом, можно назвать их и по другому, дело не в названии.

Дальше, возьмем семейно-брачное право, вопросы о наследстве, вопросы торговли и т. д.—во всех этих сторонах жизни религия играла определенную роль, служебную в отношении к командующим группам населения. Эта сторона вопроса совершенно ясна, понятна, поэтому на ней подробно останавливаться не стоит.

Если все эти стороны возьмем в их совокупности, то мы должны сказать, что религия несомненно выполняла какие-то функции, которые вызывались жизненными условиями прошлого.

Наконец, перейдем к последнему (в этой части), на наш взгляд для таких краин, как Средняя Азия, чрезвычайно характерному моменту. Все коренные народы, населяющие Среднюю Азию, в той или иной мере защищались от колониального гнета и руссификаторской политики царского правительства и московского капитала. Для всех торгово-капиталистических прослоек, для остатков феодальных племенных и родовых сил эта борьба, правда, в чрезвычайно различных формах, была нужна. Все более растущая нищета при разложении натуральных форм и проникновении товарного капитала готовила все большие массы горячего материала среди трудящихся. Нередкие прямые насилия (изгнания с земель, мобилизация 1916 г.) натянутую и вообще чрезвычайно сильно, тонкую ниточку между чуждой властью и чуждым капиталом с одной стороны и местным населением с другой,—эту ниточку временами обрывали. Так было в Фергане в 1897 году, так было почти повсеместно в Средней Азии в 1916 году. Почему организатором и вожаком восстания в Фергане (1897 года) был Дукчи ишан? Почему в Джизаке руководил делами опять таки ишан и ему помогло местное духовенство?

В быту народов Средней Азии можно заметить одно явление, чрезвычайно характерное для угнетаемых тогда здесь народов. Если русское население пугает русских детишек словом «бабай» (старик—коренной житель), то узбечка или туркменка пугает своего ребенка словом «кяфр»—неверный, в ее понятии—русский. Но исходит она из религиозного признака русского. Несомненно, что большую роль играет здесь бывшая борьба между собой отдельных народов, племен, маленьких ханств и бекств, бывших когда-то в Средней Азии, сопровождавшаяся грабежами, насилиями, истязаниями, уводами жен-

щин и детей, борьба всех почти народностей Средней Азии против вторжения «цивилизаторов» царских,—как войск, так торговцев, и, наконец, конкурентная борьба местного и пришло-го капиталов за преимущественное право на эксплуатацию трудящихся масс Средней Азии. Эта психологическая обработка вековой борьбы вылилась в страх и ненависть к пришлым порабитителям, являющимся еще вдобавок «кяфирами». Поэтому то, не смотря на огромный всеведомительный аппарат царской власти, репрессии и проч., духовенство и могло вести огромную агитацию против проникновения русского влияния. Она велась не просто против русских, как определенной национальности, а против «кяфр», представителей другой религии, чуждой, враждебной населению. Эта агитация встречала горячее сочувствие среди огромных масс коренного населения, она несомненно содействовала национальной обособленности, вело к закреплению тех устоев старины, которые по их мнению были основами всей жизни мусульманина (быт, семейно-брачное право, старометодная учеба и т. д.).

Эта, так сказать, каждодневная, будничная работа мусульманского духовенства. Но что оно делает в такие моменты, как 1897 или 1916 годы, когда массы были доведены царской властью с одной стороны до отчаяния, а с другой, до крайней степени озлобления, когда они активно выступают против ненавистной им власти? Что делает духовенство, когда других сил, способных организовать борьбу взбудораженных масс вокруг идеи активного сопротивления колониальному гнету,—других сил нет? Наиболее активная часть духовенства идет с воставшими, некоторые делаются организаторами восстания.

Почему, или точнее, как это духовенство делает? Те же примеры 1916 года или 1897 года нам показывают, что эти «вожди» на другой день после изгнания кучки представителей русской власти объявляют себя ханами, а через несколько дней, когда выясняется, что движение идет на убыль, эти же «вожди» предают и продают обманутые ими же массы населения.

Каков же вывод из всего этого?

Основной вывод на наш взгляд тот, что религия выполняла и может выполнять и несколько иные функции, чем та, о которых говорилось выше,—а именно религия может быть и была одной из форм защиты основных коренных национальностей Средней Азии от руссификаторского и колониального гнета. В отношении всего мусульманского Востока чрезвычай-

но показательна та огромная роль, которую играл в этом смысле в свое время панисламизм.

III.

Вместе с общим развитием человечества, в связи с изменениями, происходящими в человечестве, происходят известные сдвиги в духовенстве. Эти изменения происходят и в сторону прогресса, и в сторону регресса, бывает, конечно, и застойное положение. Только констатируя это положение здесь, нам хотелось бы остановиться на тех изменениях, которые произошли с начала XX столетия, т. е. с того времени, когда действительной силой во всем мире становятся империалисты, когда мощный капитал, принявший формы империализма, начинает перестраивать все общественные отношения, экономику и т. п. даже в самых отдаленных районах, когда капитализм становится главной решающей силой. Если мы возьмем эту эпоху, то должны сказать, что духовенство за этот период времени значительно видоизменяется, трансформируется.

Грани, которые существовали до этого времени между духовенством, как особой кастой, и между новой (для тогдашнего периода; в наших условиях—старой) интеллигенцией, как носительницей новой культуры, постепенно стираются, духовенство и интеллигенция, постепенно сближаются между собой, разногласия, которые когда то раздирали эти две прослойки нашего Востока, сглаживаются, постепенно сводятся на нет. Духовенство начинает изучать науку. Как пример, можно привести двух представителей верхушки духовенства в прошлом: с одной стороны, мы имеем Зия Камала, а с другой Муса Джурулла; один из них чистейший иезуит, молится по корану, ходит в мечеть и одновременно изучает Ренана, является атеистом в ренановском духе, Муса Джурулла представляет собой тип реформатора, который пересматривает коран, стремится к реформации догматов ислама о Рамазане. *)

Но, более важно то, что в этот же период происходят изменения идеологического порядка в мусульманстве вообще. В итоге дело сводится к тому, что мусульманство, вернее мусульманское духовенство, скатывается с панисламистских рельс, что оно уходит от панисламизма и переходит на рельсы пантюркизма и национализма.

Это положение может вызвать больше всего недоумений и

*) Все это было до революции. Теперь они занимаются только ханжеством.

возражений, необходимо на нем остановиться более подробно, чтобы его обосновать.

Можно назвать следующие причины, приведшие к крушению панисламизма—как определенной идеи, которая когда-то группировала вокруг себя население и духовенство.

Самой первой, основной причиной является то, что ислам потерял свое значение, как наступательная сила. Панисламизм, с развитием промышленного капитала, когда европейский капитал начинает теснить его со всех позиций, занимаемых им до этого времени, лишается первоначально присущей ему ведущей роли. Зеленое знамя пророка уже не ведет мусульманские массы от победы к победе. Поэтому это знамя уже никого не сплачивает вокруг себя.

С другой стороны—он перестает быть средством обороны от наступательного движения европейского промышленного капитализма на Востоке. Европейский же капитализм со своей стороны стремится захватить этот панисламизм в свои руки и через него укрепить свое влияние. Мы прекрасно знаем, что продвигающиеся на восток европейцы везде стараются использовать этот панисламизм (и ислам) в свою пользу, это мы видим, как в Индии, так и Турции, Афганистане и т. д. Благодаря этому панисламизм дискредитировал себя, потерял свою роль и значение идейного центра, сплачивающего вокруг себя мусульманские массы.

До определенного периода времени Турция являлась идейным и, пожалуй, даже организационным центром панисламизма, но и в Турции панисламизм за последние два десятилетия потерпел крушение. Панисламистское влияние там поддерживалось властью, в частности Абдул-Гамидом, который являлся шейх-уль-исламом, главой мусульманского мира. Но этот глава мусульманского мира был самым торжественным образом выброшен из Турции младотурецким революционным движением. Тоже произошло и с преемником его «святых» функций—Магметом. Разве это обстоятельство не сыграло огромную роль в падении идеи панисламизма? Ведь панисламизм был лишен своего верховного вожда, т. к. сам шейх-уль-ислам (Абдул-Гамид) оказался захваченным и выброшенным из пределов Турции. Ведь Кемаль уничтожил самый институт государя-халифа. На место идеи панисламизма в Турции выступили новые силы, силы пантюркизма и национализма.

Через 4 года после свержения Абдул-Гамида во время Балканской войны получился разгром Турции. Несмотря на симпатии всего мусульманского мира к Турции,

несмотря на всеобщие молитвы за процветание, за то, чтобы бог даровал победы Турции, как панисламистскому центру,— этот центр был разгромлен европейцами. Это окончательно подорвало влияние и значение панисламизма в глазах верующих и когда к этому еще добавилось наступательное движение европейского промышленного капитализма, который также стал пользоваться идеей панисламизма, то авторитет его, как руководящего центра для всего мусульманского мира, стал падать.

В самой Турции т. е. в центре панисламизма начинает расти другая идея, которая ведет к краху панисламизма внутри его основного очага: в самой Турции зарождается и растет новая турецкая буржуазия, которая становится во главе общего движения в Турции в борьбе, как против империализма, так и со всеми предрассудками, которые там царствовали до этого времени. В продолжение всех последующих лет мы наблюдаем борьбу этой народившейся новой турецкой буржуазии со старыми феодально-патриархальными бытовыми условиями, стремление захватить власть в свои руки и уничтожить ту силу, которая возглавлялась Абдул-Гамидом. Тут мы видим борьбу двух сил, двух идей между собой,—с одной стороны пошатнувшийся в своем влиянии и лишенный своего объединяющего центра—панисламизм, а с другой, молодой пантюркизм и национализм. В процессе этой борьбы обнаружались и продолжают обнаруживаться большие противоречия, которые, к слову сказать, подогревались и усиливались вмешательством европейского империализма. Вот почему идея панисламизма потеряла свою силу, вот почему все эти обстоятельства играют большую роль в крушении влияния панисламизма на Востоке.

Затем еще очень важный момент. С тех пор, как империализм пустил свои корни в странах Востока, там возникло освободительное национальное движение трудящихся Востока уже пошли по другому пути, под другими лозунгами, они оставили свои прежние лозунги панисламизма и прониклись другими идеями. Это дало им новые возможности для ведения борьбы с угнетающими их силами. Это новое движение, эта новая сила, которой воспользовались трудящиеся массы Востока, еще больше подчеркнули фактическое бессилие панисламизма.

К этому еще нужно добавить то впечатление, которое получалось у народов Востока от того, что здесь в Средней Азии возникли новые национальные государственные образования: Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан.

Появление этих гособразований явилось тем толчком, который углубил и укрепил национальное самосознание трудящихся этих стран.

И наконец, последнее. Как бы мы не рассматривали те позиции, которые занимала национальная буржуазия, но она должна была приспособиться к тому, что произошло. Буржуазия единственно следующим образом могла реагировать на то, что возникли национальные государственные объединения: она за национальное государство, но в эту форму хочет влить свое буржуазное содержание, вот поэтому от национального государственного объединения вообще буржуазия не отказывается. Она стоит за эти идеи, но содержание хочет вложить другое. Все это ведет к тому же: к кризису панисламистских идей.

Это положение принять можно и можно согласиться с тем, что кризис панисламизма налицо. Но куда, к какой новой идее духовенство должно притти после крушения панисламизма? Мы утверждаем, что духовенство, абстрактно говоря, может быть пропитано идеями или панисламизма, или же пантюркизма и национализма. К идее интернационализма духовенство притти не могло потому, что это идея пролетариата, пропитаться космополитизмом тоже не могло потому, что никаких прямых, непосредственных, для народного хозяйства более или менее ощутительных связей с мировым хозяйством не имеет, значит оно не могло дойти и до этой идеи. Поэтому, остаются только две идеи—пантюркизм и национализм. Мы считаем, духовенство с рельс панисламистских вынуждено было перейти на рельсы пантюркизма и национализма.

Значит-ли это, что с панисламизмом кончено? Нет, не значит. Мы знаем, что Турция работает по национальному объединению и использует в своих интересах панисламизм, когда ей нужно разговаривать с арабами, фарсами, индусами и другими национальностями—не турецкого происхождения. Мы знаем, что когда нужно и наше духовенство, без сомнения, будет использовать панисламизм.

Мы уверены, что умирающий панисламизм некоторое время все еще будет не только существовать, но в отношении некоторых стран, где указанные выше причины, приведшие к кризису панисламизма, пока не «действуют», этот панисламизм будет иногда и расширять свое влияние.

В «Новом Востоке» имеется статья Измаила Заде относительно паломничества в Мекку. Чрезвычайно интересно то, что

до революции огромное количество паломников было от турецких народов. А вот здесь приводятся доходы от хаджа, которые определяются количеством паломников. Оказывается, что в 1924 г. было паломников от явайских островитян 51 тысяча человек, от индусов 18 тысяч, египтян 11 тысяч, курдов, арабов и турок 5 тысяч и прочих 2 тысячи, всего 88 тысяч. Из этих 88 тысяч основная масса паломников составляет с острова Явы. Это явление новое, которое говорит за то, что идеи панисламизма проникают в новые районы, где идеи национально-освободительного движения в последней форме, в форме движения и борьбы трудящихся, к тому времени, как следует не окрепли (сейчас и там картина уже другая).

Все это означает, что если говорим о кризисе панисламизма то мы его все же со счетов скидывать не имеем права.

Если духовенство перевооружается, то оно это делает для того, чтобы примирить идею пантюркизма с национализмом. В этом отношении чрезвычайно показательным то—духовенство стоит на точке зрения «федеративного» пантюркизма. Вместе с тем духовенство говорит о каких то единых задачах, которые имеются у духовенства пантюркистского.

Но до сих пор мы разбирали вопрос об идейном перевооружении. Наряду с ним происходит и организационное перевооружение, но об этом позднее, когда перейдем к вопросу о «прогрессивном» духовенстве.

IV.

Выше (см. стр. 13) мы уже писали, что вместе с социальными сдвигами, происходящими в обществе с его классовой борьбой, происходят известные сдвиги и среди духовенства. Это означает, что духовенство представляет собою производное от общественных отношений, общественных условий, изменяющихся в зависимости от происходящих изменений в экономике.

Означает ли это положение, что духовенство само по себе ничего не представляет? Конечно, нет.

«Политическое, правовое, философское, религиозное, литературно-художественное и т. д. развитие основано на экономическом. Но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивными фактами. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце концов проявится... Нет какого то

автоматического действия экономического положения, как это иногда весьма удобно воображают, но люди делают свою историю сами только в определенной, обуславливающей их среде, на основе оставшихся от прошлого действительных отношений, среди которых экономические являются в последнем счете все же решающими, как бы сильно не влияли на них остальные политические и идеологические условия*).

Эта цитата из письма Энгельса Штаркенбургу (1894 г.) говорит о том, что всякая идеология (а значит и религия), раз возникши (под влиянием экономических условий), начинает оказывать влияние на всю жизнь человеческого общества, становится активной действующей силой. Люди, через которых действует религия—духовенство (на верующих вообще останавливаться здесь не место) при этом действует не изолированно, как само собой вытекает из вышесказанного. Они развиваются не сами по себе. Поэтому изменения, происходящие в духовенстве, мы должны рассматривать в самой тесной увязке с социальными сдвигами, происходящими в общественной жизни, которая основана на классовой борьбе и определяется в последнем счете экономическими отношениями.

С этой точки зрения мы должны подойти и к вопросу о классификации мусульманского духовенства.

Вопрос этот с точки зрения методологии чрезвычайно важный. Можно насчитать три типа классификации духовенства: 1) по служебному положению, 2) территориальному признаку и 3) в зависимости от тех социальных слоев, интересы которых представляют собой отдельные прослойки духовенства.

Думается, что первые два типа классификации многое могут нам дать, но они неправильны в своей основе потому, что отрывают духовенство от населения и тем самым затрудняют нам разбираться в том, что происходит среди этого духовенства.

Чрезвычайно важно знать, как действует высшее духовное лицо или средние и низшие духовные лица. Но все же то положение, которое они занимают, еще не определяет поведения высшего, среднего и низшего духовенства.

Распределение духовенства по территории и разделение их на туркмен, киргиз и др. дает в наши руки кое-какие нужные данные, но вряд ли это будет именно то, что нам необходимо. Мы имеем очень тесную связь узбекского духовенства с киргизским и туркменским, причем узбекское духовенство

*) К. Маркс и Ф. Энгельс.—Письма, изд. Мосрабочий, стр. 315.

оказывает огромное влияние на все прочее духовенство. Если мы возьмем Туркмению, то там имеются районы, совершенно отличающиеся друг от друга. Ашхабадский и Йомудский районы очень и очень различны, и там вопрос о духовенстве нужно ставить по разному. То же самое и в Киргизии. Если мы возьмем южную и северную Киргизию,—тоже убедимся, что это совершенно различные районы.

Поэтому мы думаем, что лучше классифицировать духовенство в зависимости от того, интересы каких общественных слоев они представляют.

Мы считаем, что у нас имеется три слоя. Духовенство—представляющее собою отражение родового и феодального строя, духовенство, несомненно, консервативное, но отличающееся от другого консервативного духовенства, которое представляет собою отражение торговых слоев населения. И третье духовенство—«прогрессивное».

Почему выделяется родовое феодальное духовенство? Не надуман ли этот слой духовенства?

В Туркмении имеется 25% кочевого населения в основном пребывающее еще в родовых и племенных условиях, 25% населения как то должны удовлетворять свои потребности, о которых говорилось выше. Это население имеет «свой» институт, который удовлетворяет эти потребности. Возьмем Киргизию, Казакстан, эти огромнейшие районы, в которых духовенство соответственным образом устроилось. На основе материалов Казакстана хотелось бы обратить внимание читателя на чрезвычайно любопытный и характерный факт, который сводится к тому, что чисто казакское духовенство, отражающее собою тесную связь с шаманизмом, с шаманами, восприняло в себя все стороны шаманизма, которые можно воспринять по современным условиям, словом, казакское духовенство представляет из себя какой то синтез ислама с шаманизмом. С этой точки зрения чрезвычайно показательны те же самые ишаны. Ведь ишан не является чистым представителем ислама. Нет, он ислам, как таковой, вообще не знает, в богословском отношении он не развит. Но он говорит, что он святой, что, кроме него никто ближе и скорее к богу подойти не может. Возьмем тот же самый зикр, т. е. радение. Что происходит во время зикра? Собираются последователи какого нибудь ишана и они после некоторой краткой беседы на религиозные темы начинают радеть. В чем заключается это радение? Они с большим неистовством начинают все вместе повторять хором определенные слова, они впадают в экзальтацию и в таком экзаль-

тированном виде они представляют себе и рай, и небеса, они отрешаются от всего земного, от всего, что здесь имеется нехорошего и приобщаются к тому, что имеется наверху, на небесах. Это шаманизм без внешних форм, без соответствующей одежды, без костяшек, тряпок и ножей, вращения глазами, без скрежета зубного.

Все это мы имеем в Узбекистане.

Если мы возьмем Туркмению, то там мы можем найти другой образчик, который указывает на то, что существующее там духовенство играет огромнейшую роль. Мы имели в Туркмении, в частности в Ташаузе, до того как их уничтожили (25 г.) 6 или 7 вождей; каждый из них имел у себя ишана, который заведывал у него всеми «духовными» делами, являлся его канцелярией, его советником (говорил ему правильно или неправильно поступает он). Далее, он имел заведывающего хозяйством, который собирал поборы с населения, т. е. имел своеобразный Наркомфин. И наконец, у него был начальник его собственной дружины.

Этот триумвират показывает, что духовенство в этой части Туркмении имеет самую непосредственную связь с пережитками родового и племенного строя, что духовенство является прислужником этого родового и племенного строя.

Если возьмем скотовода-туркмена, киргиза или казака, то увидим, что основное большинство этих народностей не имеют никакого дела с внешними ритуальными сторонами религии. В голове у кочевника нет мысли о том, что нужно пять раз в день молиться, ему об этом никто никогда не говорил. Молятся состоятельные, крупные хозяева.

Что тут имеется для нас положительного, так это то, что эта прослойка духовенства, вместе с ростом сознательности трудящихся, с укреплением всех наших мероприятий среди населения, чрезвычайно быстро трещит по всем швам. С этой точки зрения тот кризис, который имеется в ишанизме,—двое повесились, один сошел с ума, ургутский ишан отказался от ишанского звания,—этот кризис является отражением и результатом всего того, что мы делали.

О слабости этой части духовенства говорит еще и следующее обстоятельство. Когда были разгромлены и татарские, и башкирские очаги контр-революции, все духовенство бросилось в Казакстан, Киргизстан и чрезвычайно легко захватило там позиции. Это значит, что разбираемая прослойка духовенства, очень слаба и не удовлетворяет потребностей хозяйства, растущего на новой основе, на новых общественных началах.

V.

Второе крыло консервативного духовенства,—это та часть его, которая представляет собою интересы торгового капитала, связанного с феодальными формами эксплуатации как в области производства, так и в области торговли, и интересы байской верхушки дореволюционного кичлака и аула.

До присоединения Туркестана к царской России весь торговый капитал был основан на феодальных формах и методах эксплуатации, а в области политики вынужден был приспосабливаться к этому феодальному строю.

Этот капитал вместе с представителями феодализма боролся против проникновения русского капитала и вместе же с феодализмом поступал на службу к нему с тем, чтобы с помощью Москвы раздавить и уничтожить своих конкурентов в других районах Туркестана.

С развитием товарооборота, основанного, главным образом, на расширении хлопковой площади в Средней Азии, картина меняется. Российский капитал завоевывает одну позицию за другой, постепенно захватывает отдельные экономические районы и к 1905 году уже делается господином положения во всей экономике Туркестана (исключая Хиву и Бухару, где этот же процесс пр исходил несколько иначе). Капитал вынужден был вести эту работу не только путем расширения товарооборота и развития экономики, но и методами отеснения местного капитала с занимаемых им веками позиций и разорения его. Это заставляло местный торговый капитал определить свое отношение к такому могущественному капиталу, как русский.

В результате возникло два основных крыла торговой буржуазии. Одно крыло, в своем огромном большинстве связанное, как уже указывалось, с феодальными формами и методами эксплуатации, упорно держалось прежних методов и форм торговли и производства, упорно не желало признавать всех тех изменений, которые возникли вместе с укреплением русского капитала и упорно продолжало свою борьбу с дальнейшим проникновением царской власти и русского капитала. Это означает, что первое крыло буржуазии представляет собою косное консервативное крыло. Оно консервативно не только по причинам, указанным выше. В своей борьбе против русского капитала оно судорожно цепляется за все старые формы производства, общественных отношений и мировоззрения, в том числе и за пережитки родового феодального строя. Больше того, оно укрепляет эти формы, чтоб с их помощью противо-

стоять продвигающемуся все шире и глубже в экономику, быт и проч. пришлому капиталу. Это оно проделывает в то время, когда родовые и феодальные пережитки представляют собою двойные и тройные пути на отдельных частях развивающегося хозяйства. Родовые и феодальные формы, хотя и являются пережитками, довольно устойчивы, поэтому консервативное крыло буржуазии, пользующейся этими пережитками, упорно борется с проникновением московского капитала и небезуспешно,—в смысле замедления его темпа. В этом, в значительной степени, заключалась сила консервативного крыла буржуазии. Одновременно с этим укрепление связей торгового капитала с родовыми и феодальными пережитками тащит жизнь назад, поэтому против консервативного крыла работает не только московский капитал, но и прогрессивные слои буржуазии, новые прослойки байства в деревне,—все, что хочет идти вперед по пути экономического развития. Словом, против консервативного крыла буржуазии работает само время. В этом его слабость. И в этой схватке с требованиями идущей вперед жизни, в схватке отчаянной, консервативное крыло буржуазии вынуждено терять свои позиции одну за другой.

В борьбе против русского капитала и против всего, что породила и привела в движение деятельность его (в том числе и против прогрессивной буржуазии) консервативное крыло капитала имело свое оружие—консервативное духовенство. Эта прослойка духовенства целиком обслуживала интересы своего господина. Отсюда ее различное отношение к части духовенства, которое представляет собою интересы родовых и феодальных прослоек и к прогрессивной части.

В ее отношении к первым было больше содружества, чем вражды и борьбы, хотя они совершенно не исчезают, а подчиняются интересам объединения своего господина с родовыми и феодальными слоями для борьбы со всем новым, возникшим после появления московского капитала. Поэтому, несмотря на всю еретичность (с точки зрения ортодоксального ислама) ишанизма и того духовенства, которое обслуживало родовых и племенных вождей, консервативное духовенство, как правило закрывало на это глаза. В то же время она вела ожесточенную борьбу против прогрессивного крыла духовенства, ставя его на одну доску с кяфирами, изменниками, продажными предателями и т. д.

Выше, в отношении тех слоев духовенства, которые представляют собою интересы феодальных племенных и родовых пережитков, мы говорили, что эта прослойка чрезвычайно сла-

ба, не удовлетворяет потребностям растущего на новой основе хозяйства, а после революции, вместе с ростом сознательности трудящихся, с укреплением всех наших мероприятий в кишлаке, ауле и кочевках,—это духовенство вступило в полосу жестокого для себя кризиса, который его, несомненно, «доконает». Что же произошло с консервативным духовенством за последние десять лет? Сильно ли оно также, как раньше или нет, если сильно, где и почему, по каким причинам?

Свою борьбу с классовыми нашими врагами мы ведем на основе трезвого учета сил наших и сил наших врагов. Каковы же силы консервативного духовенства—вопрос для нас чрезвычайно важный.

В нашем распоряжении нет полных данных, характеризующих силу консервативного духовенства в Средней Азии. Но некоторые данные о положении духовенства в Бухаре имеются. Нам кажется, что, основываясь на них, можно с некоторой точностью говорить о консервативном духовенстве во всей Средней Азии.

Всем известна та огромная роль, которую играла Бухара в жизни Средней Азии. Если оставить в стороне те исторические эпохи, когда огромнейшие территории были подчинены бухарскому эмирату, если ограничиться только последним временем, когда Туркестан превратился в одну из составных частей Российской Империи,—и тогда даже огромная роль Бухары будет совершенно очевидна.

Бухара внешне была самостоятельна. Вассальные отношения, обусловленные договорами бухарских эмиров с царским правительством, не всем были ясны. Поэтому в глазах многих у Бухары был некоторый ореол самостоятельности. То же было и в отношении духовенства.

Бухара была сосредоточием религиозной учебы, поставщиком духовенства для огромных районов России. В ней было сконцентрировано большое количество богословов, известных всему мусульманскому миру. Этот религиозно-богословский блеск еще более увеличивался потому, что под ним была огромная экономическая база—вакуфные земли, подарки эмиров, богатых купеческих домов. В этом отношении чрезвычайно показательна то, что в бухарских медресе имелась возможность давать «стипендии» учащимся этих медресе по 6—10 рублей, а их (учащихся) собиралось каждый год по 16—17 тысяч, а по некоторым данным еще больше. И все это—и могущество, и богословие, и деньги, и слава—принадлежало бухарскому духовенству, наиболее консервативному отряду в Средней Азии.

Словом, была «святая Бухара». В этой «святой Бухаре» советская власть и партия проводили несколько иную линию, чем в более передовых районах Туркестана и делали это совершенно правильно, с трезвым учетом соотношения сил.

Была «святая Бухара», но теперь этой «святой Бухары» нет, теперь Бухара стала в один ряд со всеми остальными старыми городами Средней Азии.

Изменения, происшедшие после революции, целиком и полностью перекроили эту Бухару, она стала другой, чем была до революции.

Советская власть правильно разрешила основные проблемы национальной политики и результаты этого дошли до самых широких народных масс. Это является громадным фактором, который изменил положение духовенства: оно потеряло одну из своих функций, о которой говорилось раньше,—функцию защиты основных коренных национальностей от колонизаторства и руссификаторства. Теперь с этим к населению подойти уже нельзя, теперь население в этом не нуждается, ибо оно видит, что ему гнет колонизаторства не угрожает, опасности руссификаторства перед ним нет. Таким образом, одна из функций духовенства после Октябрьской революции отмерла.

Далее такое явление, как укрепление советских органов—ЗАГС'а и Нарсуда—несомненно отняло у духовенства и другие функции, о которых говорилось выше, теперь население знает, что записывать родившегося ребенка у муллы—не обязательно, а вот у советской власти обязательно, так как иначе вопроса о наследовании не разрешишь. Это явление ведет к утере влияния духовенства среди населения, в результате чего и эта функция у духовенства постепенно отмирает.

Третий момент—разгром басмачества, в особенности в Бухаре, так как там басмачество пользовалось благословением духовенства. Духовенство говорило, что от православных они могут очиститься с помощью сил небесных ангелов, что пророк не даст разбить мусульманскую религию, а тут вдруг вся эта небесная помощь разлетелась. Это, так сказать, моральная сторона вопроса, но имеется и другая, более осязательная сторона, сводящаяся к тому, что в процессе борьбы с басмачеством часть наиболее реакционного духовенства была уничтожена физически, часть потеряла свою активность, а часть ушла в Афганистан.

Четвертый момент, это уничтожение эмирата, который полагал духовенству внедрять и укреплять религиозные основы.

Какую роль имеет это уничтожение, видно хотя бы из бытовых сторон. Нам рассказывали, что сейчас маленькие дети смеются над теми муллами, которые когда то нагайками заставляли население молиться. Приводят и такой факт: в 22 году в Бухаре во время Рамазана на улице нельзя было есть,—это считалось богохульством, а теперь и продают, и едят. В Бухаре узбек заходит в чайхану и ест, и ничего в этом богохульного не видят. Было время, когда моление было таким делом, что по пятницам на улицах останавливалась жизнь. И если раньше в мечетях собиралось по 5—6 тысяч, то теперь не больше 200—300 человек. Это, несомненно, тоже показатель.

Дальше, Бухара, как центр религиозной мысли, Бухара, как «научный» центр религии отмирает. Как уже раньше указывалось, прежде в Бухаре обучалось около 16—17 тысяч человек (а иные говорят—до 40 тысяч, правдоподобнее будет цифра 16—17 тысяч) людей, которые готовились пополнять ряды духовенства разных рангов и степеней; теперь обучается 500—600 человек—дистанция огромных размеров.

Прежде кладбища были святым местом, которому надо было относиться с особым почтением. В 24-25 году городские деятели под особыми предлогами (необходимость построить базар и проч.) переносили эти могилы в другие места. Теперь перенос могил никто не считает необыкновенным делом, само духовенство оправдывает это под разными соусами. Рассказывали, что в Бухаре был такой случай: когда переносили мусульманскую могилу, и один узбек по этому поводу выражал негодование, мулла взял его за руку, повел с одного места на другое и потом спросил—«ну, что жив, ничего с тобой не случилось? Если тебя можно, так почему же мертвого нельзя перетащить, мертвого тоже можно перетащить». Это говорит за то, что духовенство начинает сознавать, что на этих струнах играть больше нельзя и, чтобы пользоваться авторитетом, надо подходить по другому. Несомненно, что активизирующаяся и революционирующаяся общественность, гражданская война, огромная работа по поднятию хозяйства, проведенная социализация и т. д. все это тащит прогрессивную часть духовенства от реакционной части. Этот отход был и раньше, но под влиянием других причин, под влиянием развития капитализма. Теперь этот процесс также происходит, духовенство в своей реакционной роли в общественности большой поддержки не находит, а в экономике у него совсем плохо. Вакуфов культурных они лишились, остались только религиозные. Ритуаль-

ная сторона дела поколеблена, больших доходов не дает, авторитет и влияние по сравнению с тем, что было раньше, значительно утеряны. С этой точки зрения дело обстоит для духовенства плохо—экономическая обеспеченность скверная. С одной стороны, давит революционизирующаяся общественность, с другой скверное экономическое положение, и на этой почве происходит отход тех, которые готовились быть духовными людьми. Поэтому мы наблюдаем такие явления, когда из медресе, в которых обучаются представители духовенства, выходит не духовное лицо, а светский человек, не желающий иметь ничего общего с духовенством. Тоже и в Хиве. Там была открыта школа—медресе—для подготовки духовных лиц, но в ней в первый же год начали происходить «смуты» молодежи, которая требовала реформ—сведения к минимуму духовных предметов, отмены обязательного моления, обязательных ритуальных сторон, отводила ряд реакционных преподавателей. Молодежь стремится к тому, чтобы получить образование и стать светскими людьми. Происходит «революция» в самом медресе, молодежь чувствует, что, как духовные люди, они не будут нужны жизни.

Правда, на почве этой же неудовлетворенности своим положением происходит и другой процесс,—переход духовенства из города в кшлаки. Наиболее подвижная часть бухарского духовенства уже отправилась в кшлаки, в надежде получить там материально обеспеченное положение и более спокойное существование.

Из всего сказанного видно, что многие атрибуты, которые составили суть «Святой Бухары» теперь отпали.

Теперь вопрос о школах.

В Бухаре имеется частичное увеличение количества старометодных школ, но оно происходит за счет раздробления существующих школ—обучалось 10 чел. в одной школе, а теперь в двух школах по 5 человек. Кроме того, увеличение происходит за счет роста женских школ. Духовенство никогда не думало о том, чтобы обучить девочек, потому что можно было жить с женой независимо от того знает она религию или не знает. Теперь у духовенства и у верхушечного слоя появилась эта потребность обучить девочек религии. На этой почве происходит рост школ девочек, но все же говорить, что происходит большое увеличение—нельзя.

Итоги в отношении Бухары,—она постепенно превращается в обыкновенный старый город Средней Азии, очень далекий от той «святой Бухары», которая была раньше. Бухара переста-

ет быть кузницей, где выковываются вожди и работники духовенства, вообще Бухара теперь не центр, а обыкновенный старый город Средней Азии.

Итог в отношении консервативного духовенства,—оно несомненно растеряло многое из своего бывшего влияния, роль и авторитет консервативного духовенства падает. Словом, оно идет по нисходящей линии. И, если говорить о всей Средней Азии, нужно сказать, что его место начинает занимать, так называемое «прогрессивное» крыло духовенства.

VI.

Другое крыло торговой буржуазии, в отличие от консервативного, учло бесполезность борьбы с московским капиталом старыми методами. Оно увидело, что сила российского капитала заключается в применении им (пришлым капиталом) новых, уже почти чисто капиталистических методов эксплуатации, основанных на железобразном использовании преимуществ, предоставляемых железной дорогой, телеграфом, банковской системой, ведением дела непосредственно с московскими (и центральными вообще) заводами и фабриками, применением машин на заводах здесь и т. д. Оно учло также и то, что на стороне российского капитала имеется и другое преимущество—знание рынка, не только Средней Азии, но и более широко, чем даже весь русский рынок.

Но наряду с этими преимуществами российского капитала, это крыло торговой буржуазии увидело, что Ахиллесова пята его заключается в недостаточном умении приспособиться к новым, весьма своеобразным условиям, с одной стороны, и огромной неприязни основных масс населения Средней Азии к «кяфирам»—с другой. Оно учло также и то, что если первую беду московский капитал исправит использованием в качестве посредников татарских, башкирских, армянских и проч. торговцев, способных быстрее приспособиться к средне-азиатским условиям, то вторая беда,—неприязнь, в конце концов уступит перед низкими ценами хорошего по качеству товара, производимого на заводах и фабриках центральных районов России.

По всем этим причинам это второе крыло сочло за лучшее для собственного обогащения приспособиться к новым условиям, использовать новые методы, применяемые пришлым капиталом, искусно сочетая их со старыми хищническими, феодальными методами прошлого на периферии, а по недостатку своих капиталов, взяться и за посредничество. Вся приспособ-

собленческая политика отнюдь не означала прекращения борьбы с московским капиталом,—она продолжалась, но в новых формах. Эта политика велась для того, чтобы, используя пришлый капитал, самим встать на ноги. И действительно, мы видим, что в ряде районов, в особенности, в Фергане, Ташкенте и т. д. появляются крупные узбекские торговые дома, имеющие большие вклады в банках, свои заводы, большие хлопковые операции и т. д. Поскольку эта группа буржуазии вынуждена принять и принимает новые методы эксплуатации в области как производства, так и торговли, постольку она вынуждена определить свое отношение к консервативной группе буржуазии, оставшейся при своих старых методах «работы».

Сказать просто, что эти отношения должны быть враждебными (а это напрашивается само собой),—было бы не совсем верно. Новая группа буржуазии, приняв новые методы эксплуатации и от старых не вполне отказавшись, а сочетала их с новыми. А этом умении сочетать «Европу» с «Азией» и заключалось основное преимущество этой новой группы. Она этим преимуществом пользовалась. Кроме того, в своей борьбе с московским капиталом она использовала борьбу консервативного крыла с пришлым капиталом. Это заставляло новую группу временами менять тактику—от борьбы с консервативным крылом переходить на блоки, соглашения и проч. с ним.

Но новые методы эксплуатации требовали не только приспособления старых, но и частичной ломки и отмены их. Наряду с этим, новые методы требовали знаний, поднятия культурного уровня широких масс. Новая группа буржуазии вынуждена была это выполнять. Как и какой мере, с какой последовательностью и решимостью выполняла,—это другой вопрос, но в той или иной мере все это она выполняла. Она открывала новометодные школы, реформировала письменность, издавала учебники, газеты и т. д. Она ратовала, наряду с религиозным обучением и за советское обучение. Многие из представителей этой группы буржуазии были яркими последователями вышеупомянутых Муса Джарулла или Зия Кемали, т. е. вместе с ними занимались такими вопросами, как возможность правоверному мусульманину не постыдиться в длинные дни года (т. е. главным образом, летом), допустимость иметь дело с финансовым, банковым капиталом и проч. И вместе с ними к своему собственному удовольствию отвечали: «возможно», «допустимо». Эти многие вместе с Зия Кемали в

тесной группе друзей шепотком говорили друг другу о теории Ренана по части естественного зарождения Христа во чреве не девы, а матери Марии. Они уже противопоставляли себя всей той косности, рутине, которую представлял собой старый мир с его консерватизмом.

Благодаря всему этому, их роль была, несомненно, прогрессивная. Это прогрессивное крыло и представляло собой социальную базу довоенного прогрессивного духовенства Средней Азии. Совершенно естественно, это прогрессивное духовенство за полтора-два десятилетия своего существования до революции менялось в формах, методах и содержании своей деятельности. Проявляло оно себя в зависимости от тех вопросов, которые выдвигала жизнь. Так, в начале XX столетия, развивающийся новый торговый капитал, скупающий товар у ремесленника-кустара, столкнулся с той косностью, которая все еще царилла у ремесленников Средней Азии (регламентация производства на средневековой цеховой или приближающейся к ней основе, присосавшиеся к ремесленнику аксакалы, святоши, не играющие уже никакой роли в организации производства и мешающие скупщику и т. д.). Нужно было избавиться от всей этой средневековой рутины, чтобы лучше, с большей выгодой и легче эксплуатировать ремесленника и кустаря. Отсюда совершенно понятно появление таких отдельных представителей духовенства, как Махмуд-Ходжа Бекбуди (казненный бухарским эмиром в 1903 году).¹⁾ «Махмуд Ходжа Бекбуди еще в 1903 году обратился с воззванием ко всем грамотным мусульманам быв. Туркестана о необходимости принять меры к искоренению распространенных среди ремесленников рисоля». Он возмущался «шарлатанством и в то же время невежеством и грубым искажением догматов шариата» и предлагал «всем ремесленникам передать эти рисоля грамотным ученым, муфтиям, мударрисам для исправления нелепых мест, самим ремесленникам принести раскаяние в своем заблуждении и, прекратив нарушение религии и закона, принять меры к искоренению зла, которое распространяется посредством рисоля разными пирами, ишанами, учителями и всеми теми, которые являлись распорядителями такбира и собирались воссесть на места пророков».

Приведенные выдержки достаточно характеризуют Бекбуди. Он решается на смелый шаг—выступить против ишанов, пи-

¹⁾ См. статью Гаврилова о рисоля ремесленников в этом номере «Коммунист. Мысли.»

ров, всех тех, кто сеет невежество и кто, как «мертвый, хватает за ноги живого», идущего вперед. В этом смысле он прогрессирует, но аргументирует он защитой «мест, где восседают пророки» от притязаний на эти места шарлатанов и призывом к «догме ислама», к основам шариата. Здесь нет ни слова об интересах скупщика-торговца и это естественно, хотя объективно Бекбуди в данном случае ратовал за интересы торговца-скупщика.

Бекбуди—пионер прогрессивного крыла духовенства. Таких, как Бекбуди в то время было очень мало. Удельный вес их был незначителен. Но с ростом прогрессивной буржуазии, прогрессивное крыло духовенства растет. Отдельные, наиболее передовые представители его за это время получили уже не только духовное, но и светское образование, побывали в Турции, Поволжье, Египте и т. д. Это расширило их кругозор, научило критическому отношению к своей средне-азиатской действительности, научило видеть недостатки окружающего. Потребности прогрессивной буржуазии они и высказывали и проводили в жизнь: они ратовали за новую школу, за введение в старые школы арифметики, родного языка, географии, за создание более или менее гигиенических сносных школ. Словом они были за джадидовские реформированные школы. Они воевали против табибов и были за больницы, амбулатории, расширение сети аптек, за развитие профилактических мер. Они чувствовали все недостатки, в особенности, в отношении женщины, но по своей мелкобуржуазной природе, за изменение этого прогнившего насквозь быта резко и прямолинейно не выступали. Они были за толкование Муса Джаруллы по вопросу о допустимости с точки зрения шариата правоверному мусульманину иметь дело с банками, основывать свою торговлю на кредите и превращать свои свободные капиталы в банковый капитал, как уже ясно из вышеизложенного, иначе не могло быть,—так нужно было толковать шариат и коран в интересах прогрессивной буржуазии (с тех самых пор, как она начала «становиться» промышленным капиталом, а духовенство, само собой понятно, ее слугой).

Каковы были взаимоотношения прогрессивного и консервативного духовенства? Выше мы говорили о борьбе консерваторов против прогрессивного крыла духовенства. Реформаторская и приспособленческая работа прогрессистов не могла не восстановить консерваторов против этих новаторов. Поэтому, борьба между этими двумя прослойками была. Но была не только борьба, но и общая, совместная работа. Московский капитал

в своем наступательном движении пользовался и противоисламовской агитацией. Поэтому, перед прогрессивным слоем как и перед консервативным, стояла задача защиты основ ислама и религиозности народных масс от ударов, наносимых руссификаторской, миссионерской и проч. силой. Правда, и в этой совместно проводимой борьбе против руссификаторской и миссионерской деятельности были различия: методы и формы борьбы были разные, применяемая обеими прослойками тактика была различна, но все же совместная работа несомненно была. Это вело к взаимным уступкам, шатаниям, но ведь уступки, шатания, нерешительность и являются как раз наиболее характерными чертами прогрессистов, представителей мелкой, в условиях Средней Азии, буржуазии.

Таково было прогрессивное духовенство до революции. После революции оно выглядит несколько иначе.

Эпоха военного коммунизма в Средней Азии проходила несколько по другому, чем в центре Союза. Это различие в основном (с интересующей здесь нас точки зрения) сводилась к тому, что во многих районах экономика (денежные отношения, торговля и торговые предприятия и проч.) оставалась почти незатронутой. От национализации предприятий, вскрытия сейфов и прочих мероприятий Соввласти больше пострадал крупный капитал. Мелкий, в особенности, национальный, сумел почти избежать первых ударов революции и старался сбечь свои силы в последующие годы. И если бы так продолжалось и далее, в «личном», так сказать «составе» буржуазии, с особенностью, местной, очень больших изменений ко времени начала НЭП'а не произошло бы. Но буржуазия во всех ее прослойках с начала октября повела активную борьбу против Советской власти (Кокандское правительство, скат на блок и использование басмачества во всех его видах). В этой борьбе она забыла свои распри с русской буржуазией и объединилась с ней (сочувствие ташкентской и ферганской буржуазии русскому крестьянскому восстанию в Фергане, наличие русских белогвардейских офицеров среди басмачей и проч.). Одновременно шел процесс все большего слияния прогрессивной и консервативных слоев буржуазии (сочувствие и помощь всей буржуазии энверовской авантюре в Восточной Бухаре).

Революция ответила более энергичным нажимом на борющиеся против нее силы-русскую и местную буржуазии с ее различными прослойками, феодальных племенных и родовых вождей и т. д. Этот нажим выразился не только и не столько в физическом истреблении классовых врагов, сколько в лише-

нии экономической базы, выразившейся в конфискации имущества (хлопок, дома, предприятия и т. д.). С другой стороны борьба против советской власти требовала затраты определенной материальной силы, на что вынуждена была пойти и местная буржуазия. Наконец, и самое главное—непрерывная борьба против советской власти, сопровождавшаяся прекращением былых экономических связей огромных районов со всей Средней Азией, не давали возможности «нормального» обогащения. К этому же вело все большее обнищание широких народных масс, понижение покупательной способности и как результат этого, возврат (полный или частичный) к натуральным формам хозяйства в большинстве районов Средней Азии.

Поэтому, когда начали вводить новую экономическую политику, старая дореволюционная буржуазия не смогла сразу приспособиться к новым условиям и на сцену выступил новый, энзовский слой буржуазии. Этот слой (как и в центре, но по другим, указанным выше причинам) в своем огромном большинстве никаких «потомственных» «почетных» связей не имел. Это были новые, в условиях Средней Азии—люди, они вместе с сумевшей приспособиться частью старой буржуазии и составили тот подвижный, предприимчивый слой нэпмана, который появился и у нас в Средней Азии, понятно, с своими особенностями.

Приблизительно этот же процесс происходил и в кишлаке передовых районов, поэтому и там возникла новая по своему происхождению, послереволюционная энзовская верхушка.

Эти новые люди в отличие от всех прежних (и прогрессивных и консервативных) слоев поняли бесполезность открытой вооруженной борьбы с советской властью. Они поняли также, что басмачество, не принося какой либо реальной пользы врагам советской власти, хозяйству Средней Азии приносило огромный вред. А это было по карманам буржуазии, было невыгодно, а с началом НЭП'а казалось ей прямым преступлением. Реальные мероприятия советской власти и партии по поднятию хозяйства, восстановлению ирригации, товарооборота (укрепление денежной системы, регулярный подвоз товаров из центра и проч.) и шедший наряду со всем этим разгром басмачества усилили влияние соввласти и партии на массы трудящихся. Наконец, восстановление казийских судов и ряд других мероприятий выбили почву у противников для

агитации в этом направлении. Все это укрепляло сторонников «приспособления» к новым условиям, т. е. нэповскую буржуазию.

Этому процессу среди буржуазии соответствовали огромные изменения, происходившие и среди духовенства. Старый прогрессивный слой духовенства стал консервативным. Он повторил то, что сделала немецкая буржуазия, точную фотографию которой Маркс дал еще в эпоху революции 1848 года (в Германии). У Маркса речь идет о буржуазии, но это место его так красочно, метко, хлестко бьет и мусульманское прогрессивное духовенство, что несмотря на размер, считаем необходимым привести его: «Без веры в себя самое, без веры в народ, брызжащая против выших, дрожащая перед низшими, эгоистическая по отношению к тем и другим и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам и консервативная по отношению к революционерам, имеющая фразы вместо идей, напуганная мировой бурей и эксплуатирующая эту бурю, —.... без всемирно исторического призвания, — размалеванный старец, который проклят и видит себя осужденным на то, чтобы в интересах своей собственной дряхлости, руководить юношескими стремлениями сильного народа и отводить их, старец, потерявший зрение, слух, зубы, — такою очутилась».... дореволюционная прогрессивная группа духовенства (и буржуазии, конечно) в 17-19 годы и дальше, когда она от кокандской автономии бросилась в объятия яркой контрреволюции и в одной части вдохновляла басмачество, стоя в рядах его или живя при «дворе» изгнанного бухарского эмира, а в другой — жило в Ташкенте (или другом городе Средней Азии) и «благословляла» всячески анти-советские силы, кричала вместе с тем о «свободе» народа, мечтая о свих барышах, — так закончили бы мы эту великолепную характеристику К. Маркса (взятую из статей его в Ново-Рейвской газете).

Место этой дряхлой, консервативной группы духовенства, группы, отброшенной ходом истории от большой столбовой до роги жизни, — ее место начала занимать новая группа духовенства. По своему персональному составу основное ядро этой группы в прошлом было прогрессивным течением. Но суть, содержание «работы», классовые задачи, стоящие перед этой новой группой, уже другие. Эта группа является представителем интересов новой непманской буржуазии, верхушки нового кишлака и аула и части служилого (в совучреждениях, конечно) элемента.

Эта группа порывает с басмачеством, считая его никчемным

делом, дающим обратные поставленным перед этим басмачеством политическим целям результаты. Отсюда, со стороны этого крыла духовенства не только «ривоятся» (религиозные обращения к верующим) против басмачей (как то было в большинстве районов Средней Азии), но и «разъяснительная работа» среди населения о бесполезности борьбы с Соввластью.... с помощью басмачества. Несомненно, кроме сознания бессилия басмачества, растерявшего уже к тому времени весь свой политический «вес» среди населения, здесь большую роль играют интересы непманской буржуазии, которой необходима спокойная обстановка и развитие товарных отношений, а значит и некоторый подъем народного хозяйства. Ведь «если беспорядки и свара приносят прибыль, то он — т. е. буржуа их будет поощрять*»). духовенство в этом буржуазии будет помогать так же, как и в том, чтобы в случае, если «беспорядки и свара» прибыли не приносят, бороться с этими беспорядками и сварой.

Суть этой группы духовенства рельефно выявилась в ее отношении к таким мероприятиям партии и соввласти, как нацразмежевание, земреформа, районирование и проч. Об огромном общественно-политическом, экономическом и проч. значении всех этих мероприятий говорить нет нужды, да и не место здесь, чрезвычайно большое значение их для всякого политически грамотного человека абсолютно ясно. Каково же отношение этой новой группы духовенства ко всем этим мероприятиям?

В первый период, когда партия и Соввласть только что принимались к разворачиванию работы по проведению того или иного из указанных выше мероприятий, это крыло духовенства, вместе со всем духовенством, было против всех наших основных работ. Яркая реакционная суть духовенства вообще (в условиях развертывания и закрепления завоеваний революции пролетариата) и в том числе этой новой группы духовенства сказывается здесь во всей ее непритялности. Но в то время, как духовенство борется (распространением ложных, провокационных слухов, путем напугивания греховностью, страшным судом и т. д.) против наших мероприятий, разворачиваемая нами огромная работа вовлекает огромные массы трудящихся. По мере все большего укрепления, расширения и углубления нашей работы трудящиеся все больше и все увереннее идут за партией и Соввластью. В результате, оказываются тщетными все потуги духовенства, байства и проч. враждебных нам сил. Жизнь все опрокидывает на своем пути,

она разбивает все оковы, мешающие ей на пути развития. Но эта истина неизвестна большей части духовенства,—оно продолжает свою работу против наших мероприятий даже тогда, когда они приближаются к своему успешному концу.

Не то у новой группы духовенства,—она умеет видеть, что массы идут за партией и Соввластью, поэтому она меняет фронт и становится «сторонниками» этих мероприятий. Постолько, поскольку трудящиеся стали на сторону наших мероприятий? «Чуть-чуть» меньше,—постолько, поскольку это необходимо в то или иное время для сохранения своего влияния на некоторую часть трудящихся, до этого находившихся под влиянием духовенства и под влиянием проводимых нами мероприятий начавших «отходить» в нашу сторону. Таким образом, мы видели, что по своей реакционной сути эта новая группа духовенства не может не быть против всех наших основных мероприятий (земреформа, нацразмежевание, просвещенские вопросы и пр.). Все эти меры ущемляют интересы духовенства в целом, укрепляя наше влияние и ведут ко все большему «освобождению» трудящихся от реакционного «духовного» влияния поповщины. Но с другой стороны, для того, чтобы удержать свое влияние на массы, эта новая группа духовенства вынуждена идти на уступки, должна одобрять их почти в той мере, в какой они находят одобрение и поддержку в широких слоях населения. Для чего? Для того, чтобы не растерять свое влияние на массы*).

Эта группа духовенства—активно действующая сила. Об идейном перевооружении мусульманского духовенства вообще выше уже говорилось. Все сказанное там в некоторой степени относится и к средне-азиатскому духовенству. В лице новой группы с панисламизмом оно возится лишь постолько, поскольку это нужно в те или иные моменты для сохранения связей с остальными: в основном арабскими, индусскими, таджикскими и проч. группами духовенства и идущими за этими группами духовенства слоями населения. Но основное оружие новой группы не панисламизм, а реформированный пантюркизм, плюс национализм. Здесь у нас национальная буржуазия в качестве своих идеологов особенно сильного слоя интеллигенции уже не имеет, то, что автоматически продолжает называть

*) Вопрос об отношении этой группы духовенства к раскрепощению женщин здесь мы не касаемся, ибо это должно составить предмет особого рассмотрения. Несомненно, что характеристика отношения духовенства к земреформе в основном (с соответствующими поправками) верна и по вопросу о раскрепощении.

себя интеллигенцией, представляет собой загнивающий консервативный слой (Мунаввар Кари, Вадут и проч.), очень далекий уже от интеллигентности*). И национальная буржуазия восполняет эту убыль, используя новую группу духовенства.

Таким образом, и у нас в Средней Азии происходит процесс срачивания старой дореволюционной национальной интеллигенции с новой группой духовенства.

Коротко говоря, эта группа духовенства приспособляется к новым условиям, созданным за революционные годы. Как приспособляется, мы это выше видели: она одобряет наши мероприятия, для того, чтобы сохранить свое влияние на население. В чем сущность влияния этой новой группы духовенства? Об этом только что говорилось: она является послушным инструментом в руках национальной неманской буржуазии, верхушки кишлака и некоторой части служилого элемента,—словом всех тех классовых группировок, тех сил, которые борются с нами и нашим влиянием.

Как же можно охарактеризовать эту группу духовенства? Приспособленческой группой? Или прогрессивной? Отчасти да, но не совсем и вот почему.

Духовенство меняет свою позицию в отношении наших мероприятий, переходя с враждебного отношения чуть ли не на поддержку, делает это для того, чтобы сохранить под своим влиянием население—это приспособленчество.

Эта новая группа духовенства перевооружается не только идейно, но и организационно. Она ведет большую борьбу за захват аппарата духовенства в свои руки, в наиболее передовых районах духовные управления уже находятся под влиянием этой группы, она проникает в кишлаки и часть мутавалиев (районных уполномоченных) уже поставила из своих людей. Словом, она создает свой аппарат. Эта группа начинает перенимать наши методы работы: совершает об'езды своей «духовной» периферии, создает инструктаж. С мест сообщают о своеобразном «районировании на основе укрупнения» мечетей и приходов с тем, что мелкие «маломощные» приходы и мечети объединяются в более крупные, т. е. идет планомерно проводимая борьба за сохранение жизнеспособных низовых ячеек своего влияния. О применении в Башкирии со стороны духовенства сепараторов в качестве дополнительного орудия

*) Но не от интеллигенции, т. к. некоторые слои интеллигенции, правда очень незначительные, все еще идут за этой загнивающей группой.

для укрепления своего влияния большинство читателей из газет, вероятно, знает.

Эта группа духовенства проводит беседы с верующими не только на религиозные, но и на общественно-политические темы. Это уже массовая работа. В гор. Намангане духовенство выпустило обращение с призывом (в день байрама) всем верующим организованно пройти шествием с тем, чтобы коллективно показать свою внушительность. В воззвании ругательно ругают тех, кто вносит анархию «индивидуальным» приходом к месту моления и уходом оттуда. Это уже массовая работа на основе применения какой-то дисциплины.

Огромное внимание уделено этой группой духовенства школьному делу, в основном, в низших его звеньях, при чем оно направлено, главным образом, по линии реформирования старых школ.

Вплоть до этого года у нас не было четко выявленной точки зрения по вопросу о реформировании старометодных школ, да и сейчас не везде эта точка зрения хорошо усвоена и правильно проводится в жизнь.

Что такое старометодная школа? Это конфессиональная, религиозная школа и только. Думается, что из этого само собой понятно содержание школы.

Каковы методы работы этих школ? Сказать—«один сплошной ужас»—значит, ни в коей мере не преувеличить. Это настоящая мастерская по калечению детей, в большинстве, мальчиков. Дети занимаются там (в недопустимо антисанитарных условиях) на совершенно непонятном для всех основных народов Средней Азии арабском языке, занимаются долбежкой моментов и избранных мест из корана. Никаких сведений, нужных жизни, там не дают, письму не обучают. Через год—два после «учебы» дети забывают обязательно почти все из заученного (за исключением, пожалуй, нескольких наиболее часто повторяемых уже в быту молитв).

Ничемность и вредность этой старометодной школы прогрессивной буржуазией, а с ней вместе и прогрессивным духовенством до революции (в Крыму впервые до 1905 года Измаил-бек Гаспиринским) была осознана, поэтому была выдвинута идея новометодной школы. Суть ее состояла в том, что наряду с оставлением преподавания религии вводились и светские предметы—родной язык, арифметика, иногда география, история, естествознание и проч. Сторонникам этой новой школы пришлось выдержать огромную борьбу с консерваторами.

После революции процесс реформирования в Средней Азии шел весьма скачкообразно и разно в различных районах. За время революции мы везде, где могли, открывали наши советские школы. В итоге мы получали три типа школ: старометодная, реформированная и советская.

Новая группа духовенства ведет огромнейшую работу по реформированию и укреплению старометодных школ. Особенно успела эта группа в Андиканском и Кокандском районах. В других районах у этой группы успехов мало, местами совсем нет. Но в передовых районах новая группа захватывает школьную сеть (реформированные школы) в свои руки. И здесь она использует «современные» методы: созывает конференции учителей реформированных школ, «инспектирует» школы, создает родительские комитеты и т. д.

Если новая группа духовенства четкую линию в этом вопросе уже заняла, среди наших просвещенцев этой четкости до сих пор еще не было. «Старая школа растет, ее роль и влияние увеличивается. Мы не в состоянии увеличить нашу сеть. Поэтому нужно идти на реформирование школ с тем, чтобы потом включить их в нашу сеть»—говорят одни товарищи. «Старая школа вредная, губит наших детей, реформирование школ—шаг вперед, реформирование—прогресс»—говорят некоторые товарищи. В итоге и те, и другие ставят вопрос о действии или организованном руководстве реформированием школ. Получается своеобразная «смычка» с новой группой духовенства, которая добивается того же—разрешения ей реформирования школы.

В чем дело? Действительно ли деятельность этой группы духовенства в области реформирования школ прогрессивна? Да, это было бы прогрессивным делом, если бы не было такой «малости», как наличие советской власти. И те, и другие забывают о сути переживаемой нами эпохи и об особых задачах, поставленных перед нами революцией. Начнем по порядку.

Действительно ли растут старые школы? Заранее можно говорить, что роль старометодных школ в отсталых районах должна быть выше, чем в передовых районах. Поэтому необходимо остановиться на роли и динамике сети старометодных школ в этих районах. Мы уже говорили о старометодных школах в Бухаре—одном из отсталых районов. Там если и происходит частичное увеличение старометодных школ, так оно идет за счет раздробления и мельчания ранее существовавших и еще за счет некоторого увеличения школ для дево-

чек (причина выше приводилась). Это не процесс роста, а результат разрушения основ, на которых покоилась когда-то «Святая Бухара». Приблизительно то же и в другом отсталом районе—Хорезме (узбекской части его). Там по округу (по материалам весны 1927 года) насчитывается 555 мечетей и 454 функционирующих старометодных школ при них (включая сюда и города округа*). По материалам комиссии районирования, в округе насчитывается 1.355 населенных пунктов и 319.000 населения. Т.-е. не при всех мечетях имеются школы, одна школа приходится на 3 населенных пункта и на 700 душ населения обоего пола. Как видим, разветвленность огромная, вполне приспособленная к хуторскому хозяйству Хорезма. Что в сравнении с этим (в смысле разветвленности) представляет наша сеть, состоящая всего на всего из 45 кишлачных школ по округу? На 30 населенных пунктов у нас одна, вместо 3-х у духовенства. Но все же это не говорит о росте. Наоборот, если сравним с тем, что было не только до революции, даже до национального размежевания,—мы будем иметь рост у нас и уменьшение количества старометодных школ—у духовенства или стабильность их, в крайнем случае. Так что поневоле приходится перед собою ставить вопрос: не являются ли все эти разговоры о росте старометодных школ «сурдинкой», под которой протаскивается желание некоторых просвещенцев «не пущать» жизнь вперед? Не являются ли они результатом влияния этой новой группы духовенства, непманствующей буржуазии и вершущки нового кишлака? То, что некоторые из этих просвещенцев были в прошлом работниками наших наркомпросовских органов,—это само по себе в наших условиях ни в какой степени не может быть еще гарантией против чуждого нам влияния.

Несомненно, что вообще говоря, реформированные школы являются шагом вперед по сравнению со старометодными. Но утверждающие так в наше время, упускают из виду то «маленькое» обстоятельство, что сейчас в природе существует такая «малость», как Советская власть, как диктатура пролетариата, забывают, что сейчас классовая борьба происходит тогда, когда у наших врагов командных высот не осталось, когда они ищут щели, в которые можно было бы просунуть палец, чтобы затем протиснуться со всей рукой. Такой целью может явиться (и является, поскольку кое-какая часть реформированных школ попала в руки новой группы духовенства)—школа.

*) Характерно то, что из 3.894 обучающихся в этих школах детей—1.192, т. е. почти 30% девочек.

Если старая школа—духовная, конфессиональная, является орудием затемнения сознания масс, то новая реформированная, только оттого, что там наряду с религией обучают родному языку, арифметике и проч., таким орудием не перестает быть. Наоборот, она является наиболее остро отточенным орудием классовой борьбы, ибо она отчасти отвечает потребностям дехканина, трудящегося тем, что там готовят грамотного человека, выпускает в этом смысле более соответствующего современным условиям (что грамотность нужна, это осознано всеми и в этом одна из причин краха старометодной школы), но вместе с тем и религиозное сознание удовлетворяется—обучают (с каким успехом, это безразлично) молитвам, религии. Т. Ленин в 1918 году говорил, *) что «в школах старого типа (этого типа русские школы приблизительно соответствуют реформированным школам Средней Азии. И. Х) ребенку неминуемо внушаются национальные предрассудки; разжигается ненависть к другим народам, к рабочим другой национальности; юная мысль затемняется глупыми предрассудками. Школы в буржуазных странах насыщены ложью и клеветой в угоду буржуазии». Это положение Ленина совершенно точно определяет суть средне-азиатских реформированных школ, т. к. в них руководство остается в руках новой группы духовенства. В итоге, мы должны четко сказать себе, что политический смысл борьбы за школу имеет чрезвычайно большое политическое значение,—это борьба коренной буржуазии за сохранение и укрепление своей идеологии и оборона против наступающего материализма.

Выше уже ставился вопрос о том, как можно охарактеризовать эту новую группу духовенства. Она, как это вытекает из вышеизложенного, стремится приспособиться к новым условиям, к новой обстановке, созданной после Октября вообще и, в особенности, в эпоху восстановления хозяйства. В этом отношении она уже достигла некоторых успехов (идейное и организационное перевооружение, борьба за аппарат духовенства и захват его (аппарата) в наиболее передовых районах, борьба за реформированную школу, «ривояты», постолько-посколько и т. д.). Она приспособляется. Но прогрессивная ли эта группа? Если ставить вопрос абстрактно, по сравнению с консервативным слоем духовенства,—да, это прогрессивная группа. Но решать вопрос так нельзя, т. к. нельзя абстрагироваться от наличия советской власти, от тех задач, кото-

*) В речи на 1 Всерос. Съезде по народному образованию, том XV, стр. 397.

рые поставлены пролетарской революции эпохой диктатуры пролетариата, эпохой социалистического строительства.

Т. Бухарин в одном из своих докладов приводит выражение К. Маркса: «Партия революции сплачивает партию контр-революции». Эта мысль Маркса должна быть исходным моментом при решении вышестоящего вопроса. Наша революция доказала правильность Марксова положения целиком и полностью. Она показала, что все нереволуционнное не было прогрессивным. Прогрессивная роль прогрессивного крыла духовенства кончилась с начала революции. Выше мы уже писали, что при проведении тех или иных наших основных мероприятий ярая реакционная суть всего духовенства, включая сюда и эту новую группу, всегда сказывалась во всей «красе». Иначе это не могло быть. Ведь наши мероприятия направлены на овладение массами трудящихся Средней Азии, на направление их инициативы в области хозяйственного, культурного и проч. строительства по руслу социалистического строительства. Этот огромный процесс охватывает все стороны жизни трудящегося Средней Азии, т. к. он сопровождается все большим развитием товарного хозяйства, проведением земельной реформы, развитием и укреплением кредитования бедноты и середняка, наделением земель батрака и бедноты, их кооперированием, внедрением в кышлак усовершенствованных орудий сельского хозяйства, поднятием культурности, завязыванием экономических связей между социалистической промышленностью и кышлаком-аулом без посредства частного, рядом наисложнейших процессов среди кустарей, проникновением новой общественности среди всех слоев трудящихся, развитием промышленных очагов, а значит и увеличением удельного веса всего пролетариата и коренной его части в жизни Средней Азии, все большим охватом коммунистическим влиянием всех слоев трудящихся, в особенности, подростящего поколения и т. д.

Все эти мероприятия и процессы бьют, ущемляют и разрушают те или иные стороны прошлого—экономики, быта, общественных отношений и проч.—старого мира и в его патриархальном, родовом и в его торгово-ростовщическом и более современном капиталистическом секторе. Поэтому весь старый мир, а значит и все духовенство различных оттенков, против этих мероприятий и процессов борется. Борется против них и новая группа духовенства. Поэтому она блокируется со всеми консервативными группами духовенства. Поэтому она составляет одно из крыльев борющегося против нас реак-

ционного лагеря. Чем ни острее и сильнее затрагивает наше мероприятие или направляемый нами тот или иной процесс в жизни, тем теснее смыкает свои ряды этот реакционный лагерь.

Все эти положения охватываются одним положением Маркса: «Партия революции сплачивает лагерь контр-революции».

Отсюда с естественной неизбежностью мы должны сделать вывод: новая группа духовенства отличается от аналогичной группы духовенства до революции в первую очередь тем, что она никак не может быть названа прогрессивной группой духовенства.

И все же, это не то, что консервативная группа духовенства, и именно потому, что группа враждебных нам слоев, представляемых этим крылом духовенства, не та, что группа представляемая консервативным крылом; на местах это различие настолько бросается в глаза, что некоторые кышлачные работники коммунисты этим различием были сбиты с толку, в результате чего установили с ними такие взаимоотношения, при которых фактически стирались основные грани, разделяющие эту чуждую нам идеологически группу от нас и нашей работы. Нередко делались такие заявления в отношении того или иного представителя этой группы духовенства: «Вот хороший человек, он нам помогает». «Этот действительно стоит за просвещение». «Смотри, как ловко он защищает бедноту от имени шариата», «наша работа по земреформе идет по шариату» и т. д. Стоит ли эта группа за просвещение, за какое,—эти вопросы выше уже разбирались, повторять их не стоит. Но как быть с переменной позиции в положительную, если можно так выразиться, сторону? Не говорит ли эта перемена и поддержка того или иного мероприятия совласти о либерализме и прогрессивности эти группы духовенства? На наш взгляд—нет. Весь вопрос заключается в том, почему, по каким причинам происходит эта перемена? Если поддержка наших мероприятий бывает с самого начала развертывания нашей работы, почему происходит эта поддержка? Думается, что сказанное выше дает достаточный ответ и на этот вопрос: перемена в позиции этой группы духовенства в сторону «ривоятов» и других аналогичных заявлений о поддержке наших мероприятий начинается тогда, когда широкие массы уже вовлекаются нами для осуществления того или иного мероприятия; происходит это для того, чтобы не растерять остатки своего влияния на массы. Все эти перемены по сути дела представляют

собою одно из звеньев в общей цепи организационного и идейного перевооружения этого крыла духовенства, находящегося в самой тесной связи с потребностями непмана и новой верхушки кишлака, и, вместе с ними, новое крыло мусульманского духовенства приспосабливается к новым условиям, созданным послеоктябрьскими событиями и результатами проведения того или иного мероприятия партии и советской власти.

Отсюда с несомненностью вытекает и то, что неправильно представлять эти перемены в отношении нового крыла духовенства только, как стремление к удовлетворению карьеристических и шкурных интересов отдельных представителей нового крыла духовенства. Представлять дело так будет недопустимым упрощением совершающихся на наших глазах процессов. Это упрощение своими корнями уходит в неверный, но существующий у некоторых товарищей взгляд на изменения, происходящие среди духовенства, как изменения, оторванные от интересов тех или иных общественных и классовых группировок.

Каков же вывод в отношении этого крыла мусульманского духовенства? Нам думается, что вышесказанное должно привести к следующим основным выводам:

1. Новое крыло мусульманского духовенства представляет собою интересы новых общественных групп: непмана и некоторых элементов служилого слоя в городе, новой байской верхушки кишлака.

2. Для того, чтобы в создавшихся после Октября и в особенности в восстановительный период (с 1921 г. по 1927 год) условиях лучше защищать интересы представляемых ими групп, это крыло совершило и продолжает совершать свое идейное и организационное перевооружение. Это перевооружение помогает новому крылу духовенства продолжать свою борьбу с нами за идейное влияние над массами трудящихся. Отсюда—особая опасность для нас в лице этой новой группы духовенства.

3. Эта группа направила свою энергию на самые слабые участки нашей работы (школа, учительство, консультация населению по разным вопросам). В этих участках она выявила огромнейшие способности по части приспособления даже применяемых нами методов и форм работы к условиям жизни национальностей Средней Азии.

4. Будучи в корне против наших мероприятий,двигающих жизнь вперед, она меняет свое отношение, как только нам

удается организовать вокруг наших мероприятий основные массы трудящихся.

5. Все это с несомненностью говорит о больших способностях этой группы к приспособлению к изменяющимся условиям жизни.

6. Кроме того, так как это приспособление происходит в основном по причинам общественно-экономического порядка, в силу объективных, так сказать, а не субъективных (карьеризм и проч.) побудительных причин, хотя последние иногда имеют место, очевидно, что ставить знак равенства между этой новой и консервативной группой духовенства нельзя. Отсюда наша различная тактика в отношении этих различных групп.

7. Об особой опасности этой группы выше уже говорилось. Но это ни в коей мере не означает невозможности и нецелесообразности использования этого крыла духовенства во время проведения тех или иных наших мероприятий.

8. При использовании сама собой ясна необходимость соблюдения одного основного требования: это использование должно принести пользу нам, нашей работе, а не этому новому крылу, как это иногда получается у нас на практике.

9. Это в значительной степени объясняется не только низким культурным уровнем наших работников на местах, но и отсутствием ясного понимания классово-чуждой и враждебной нам сути этого нового крыла духовенства у части наших работников.

10. Если дореволюционную прогрессивную группу духовенства мы называли прогрессивной без всяких кавычек, то это теперь уже будет неправильно. В тех условиях деятельность либерального крыла духовенства, зачастую, была действительно прогрессивна (борьба за новую школу, грамотность и т. д.). Теперь этого нет. Теперь все неревolutionционное не может быть прогрессивным. Только неревolutionционным эту группу духовенства назвать нельзя. Совершенно ясно, что наше укрепление вообще, наша работа на культурном фронте, рост нашего влияния на массы толкает эту группу на блоки с самой консервативной частью духовенства, на стремление закрепить старые общественные отношения, быт, нравы и проч. Значит, новую группу прогрессивной назвать нельзя. Но она не совсем то, что представляет собою консервативное крыло. Поэтому, целесообразнее всего, до того момента, пока мы не найдем более подходящего термина, назвать ее «так называемым, прогрессивным» духовенством.

* * *

Мы не думаем, что поставленные в настоящей статье вопросы исчерпывают весь вопрос о мусульманском духовенстве. Вопрос новый, в литературе нашей мало освещенный. Вопрос важный и сложный.

В настоящей статье мы не коснулись ряда проблем, составляющих часть вопроса о духовенстве или связанных с ним. Так, например, следовало отдельно остановиться на таких, хотя бы, вопросах, как: что связывает и что раз'единяет отдельные группы духовенства, связь всего происходящего в средне-азиатском духовенстве с изменениями на всем Востоке, роли и влияние живоцерковного движения в православии, отдельных консервативно-настроенных ученых—европейцев, вопрос о сектанстве и проч. Не коснулись мы и вопросов антирелигиозной пропаганды, в особенности, в кишлаке и ауле.

Революционное движение в Средней Азии.

Заболонков.

К 15-тилетию восстания сапер в Ташкенте.

В условиях оторванности от политической жизни, жесточайшей палочной дисциплины, мордобития, обезличенный и придавленный сапогом офицера-жандарма, солдат царской армии восставал в особо трудные для него моменты, когда наступал предел человеческого терпения, когда он не видел иного выхода из тисков беспросветного насилия, чинимого над ним сворой царских опричников.

Эти восстания, возникавшие, зачастую, без связи с массовыми политическими выступлениями рабочего класса, жестоко подавлялись такими же воинскими частями царской армии, которые в общей массе, вплоть до 1917 года оставались послушным орудием в руках своих классовых врагов.

Восстания не проходили бесследно. Кровавая расправа царя с восставшими, сопровождавшаяся казнями и массовыми ссылками на каторгу, объективно готовила сотни и тысячи бойцов-революционеров—будущих могильщиков царского строя.

Восстания чаще происходили в инженерных частях—здесь был удлиненный срок службы, связанный с тяжелым физическим трудом и жестоким дисциплинарным зажимом. Кроме того эти части комплектовались, главным образом, из фабрично-заводских рабочих, несших с собой в царскую армию революционное настроение пролетариата.

Таким же, пожалуй, было восстание 1-го и 2-го Туркестанских саперных батальонов в Троицком лагере под Ташкентом, 15-летие которому исполнилось 14/VII—27 г. (н/с).